

Сяо Чжао довёз их обоих до дома и уехал сам. Но едва переступив порог, Цинь Унянь и Сун Чэн одновременно повернулись друг к другу и выпалили:

— Я в комнату.

Цинь Унянь на мгновение опешил, а затем выдал:

— Ты будешь обедать?

Сун Чэн поскрёб в затылке, не совсем понимая его вопроса:

— Разве можно не обедать?

Цинь Унянь: «.....»

Многие ли нынешние молодые люди, если они не живут с родителями, питаются по расписанию три раза в день? Все едят только тогда, когда проголодаются, а нет аппетита — так и не едят.

Тех, кто, подобно Сун Чэну, соблюдает режим и не пропускает ни единого приёма пищи, оставались единицы.

У самого Цинь Уняня аппетита не было вовсе. Услышав слова Сун Чэна, он холодно бросил:

— Тогда закажи себе что-нибудь на дом, у меня тут повара нет.

Сун Чэн указал на себя:

— Я умею готовить.

Смысл был очевиден: он может приготовить сам.

Не зная, что и думать, Сун Чэн поджал губы, развернулся и ушёл в отведённую ему временную комнату.

Он понимал, что это место ему больше не принадлежит, а потому вёл себя тише воды ниже травы и всё время сидел на первом этаже. Он ограничил своё передвижение несколькими комнатами исключительно для того, чтобы не вызывать у Цинь Уняня раздражения. И надо же — всё равно вызвал.

Опустив руку, Цинь Унянь прошёл в комнату, не сводя глаз с лица Сун Чэна.

Всё из-за тех слов, что он сказал раньше?

Цинь Унянь: «.....»

Один, два, три.

Весь третий этаж занимала спальня Цинь Уняня — туда Сун Чэн не ходил и даже не смел соваться.

Всё ещё держась рукой за дверь, он обратился к лежавшей на кровати фигуре, повернутой к нему спиной:

— Почему ты до сих пор не заказал доставку?

С двенадцати часов, заметив, что не слышит звонка в дверь, он включил камеры видеонаблюдения и неотрывно пялился на этот экран. И чем дольше он смотрел, тем сильнее хмурился.

— Больше не смей готовить в моём доме.

Сун Чэн замер. Он ничего не ответил, а Цинь Унянь, бросив эту фразу, развернулся и вошёл в лифт. Глаза Сун Чэна проводили его фигуру, наблюдая, как две створки медленно смыкаются, а затем на соседнем электронном табло замигали цифры этажей.

Цинь Унянь с мрачным, исполненным вселенской скорби видом уставился в монитор системы наблюдения, попутно наострив уши, чтобы не пропустить ни звука снизу. Когда стрелка часов подползла к двум, его терпение лопнуло.

Сун Чэн поначалу не хотел с ним разговаривать, но пару секунд спустя всё же медленно приподнялся:

— Проголодался? Так закажи сам.

Цинь Унянь сидел в своей спальне, а на экран его телефона транслировалось изображение с камеры у входной двери.

В его голосе не было ни капли тепла, во взгляде — тоже. Смотря на растерянное лицо Сун Чэна, он отчеканил каждое слово:

— Мне не нравится, когда чужие люди устраивают беспорядок на моей кухне.

Вспомнив утреннюю домашнюю еду, а затем глядя на невозмутимого Сун Чэна, который с самого момента их воссоединения не выказывал ни малейшего смущения, Цинь Унянь почувствовал, как в груди поднимается глухое раздражение. Настолько беспричинное, что он и сам не мог его понять.

Опущенные веки, равнодушное выражение лица, мягкие на вид слова, за которыми на самом деле скрывались иголки — все признаки налицо. Правильно, молодой господин обиделся.

Вне себя от злости, он даже не стал вызывать лифт — прямо так, со стуком и топотом, помчался с верхнего этажа вниз. Добежав до двери комнаты Сун Чэна, он даже не стал стучать, а просто распахнул её и ворвался внутрь.

Но бесило его то, что Сун Чэн полез на кухню, или само его присутствие?

Цинь Унянь засунул руки в карманы, храня молчание. Тягостное, зловещее молчание.

Сун Чэн приподнял веки и тоже посмотрел на него. Они молчали, и эта напряжённая тишина длилась почти минуту, пока Сун Чэн вдруг не нарушил её:

— В такой ситуации ты должен извиниться передо мной.

Губы Цинь Уняня шевельнулись, но голос прорезался лишь после небольшой заминки:

— С чего бы мне извиняться?

— Потому что ты сболтнул это сгоряча, — ответил Сун Чэн.

Цинь Унянь упёрся:

— Я не сгоряча.

Сун Чэн поджал губы:

— Нет, сгоряча.

— Нет.

— Да.

— Нет.

Сун Чэн внезапно поджал губы.

В голове Цинь Уняня зазвенели тревожные звоночки.

Однако было уже поздно. Стадия, на которой с Сун Чэном еще можно было договориться, миновала — на смену ей мгновенно явился несговорчивый Сун Чэн. Обиженно объявив:

— Я больше не буду есть! — он резко развернулся, шмякнулся обратно на кровать и снова демонстративно отвернулся к нему спиной.

Цинь Унянь: «.....»

Поборовшись сам с собой с минуту, Цинь Унянь всё-таки выдавил из себя те три заветных слова, которые прежде почти никогда в жизни не произносил:

—Прости.

Произнося это, он даже не смотрел на Сун Чэна, потому что психологическое давление было слишком велико. Выпалив извинение, он тяжело вздохнул и украдкой покосился на Сун Чэна, но с ужасом обнаружил, что молодой господин Сун даже не шелохнулся и по-прежнему демонстрирует ему свой затылок.

Ну вот, сам виноват, не ценил. Раньше хватило бы одного «прости», чтобы всё уладить, а теперь цена удвоилась.

Помолчав, Цинь Унянь подошёл к кровати, присел на краешек и, подумав пару секунд, сказал:

— Я... не должен был говорить такое.

Сун Чэн не отреагировал.

Цинь Унянь глубоко вздохнул:

— Можешь пользоваться кухней сколько душе угодно. Хоть сожги её — мне всё равно.

Сун Чэн по-прежнему ноль внимания.

— Хорош уже ломаться, — не выдержал Цинь Унянь.

Сун Чэн отодвинулся ещё дальше, ближе к краю.

Цинь Унянь: «.....»

Он снова замолчал.

Глядя на затылок Сун Чэна, Цинь Унянь на этот раз затянул молчание настолько надолго, что Сун Чэну даже захотелось повернуться и проверить, не ушёл ли тот. И именно в этот момент Цинь Унянь заговорил вновь:

— Сун Чэн, может, хватит использовать этот приём против меня?

Сердечко Сун Чэна сжалось. Он резко распахнул глаза и уставился на занавеску перед собой, хотя сам не понимал, почему его так накрыло.

Просто в голосе Цинь Уняня звучало столько беспомощности, досады, сдобренной горькой самоиронией и капитуляцией.

Цинь Унянь опустил взгляд. Каждый раз было одно и то же: стоило Сун Чэну пригрозить голодовкой, как тому приходилось сдаваться. Если тот игнорировал его, он сам моментально сходил с ума, не мог ничем заниматься и был обязан немедленно помириться, иначе душа не находила покоя.

Но ведь с тех пор прошло уже столько лет, он повзрослел — почему же Сун Чэн по-прежнему так легко им манипулирует?

Цинь Унянь беззвучно и с горькой иронией усмехнулся. Подняв глаза, он вдруг заметил, что Сун Чэн уже приподнялся и вовсю пялится на него исподлобья.

Они встретились взглядами, и на сей раз инициативу снова проявил Сун Чэн.

Сложив руки на коленях, он заговорил ласковым, мягким голосом, вполне соответствовавшим его нынешнему ангельскому виду:

— У меня в животе от голода уже всё свело.

Цинь Унянь замер. Все эмоции, поднявшиеся в его душе подобно приливу, схлынули с точно такой же скоростью.

Он спросил:

— Тогда сможешь ещё подождать доставку?

Сун Чэн честно помотал головой:

— Приди ты на пять минут позже, и застал бы мой силуэт, сигающий в окно на поиски пропитания.

Цинь Унянь бесстрастно посмотрел на него и пару секунд спустя язвительно бросил:

— Так тебе и надо.

Затем он поднялся на ноги и, направляясь к выходу, произнес:

— Всё ещё сидишь? Или хочешь через пять минут окончательно превратиться в плоский лист бумаги?

Заметив, что Цинь Унянь держит курс на кухню, Сун Чэн живо подскочил, в несколько прыжков нагнал его и сел на хвост, неотступно шагая рядом:

— Ты будешь готовить?

Цинь Унянь бросил на него взгляд, сдержанно закатывая рукава:

— Сегодня я покажу тебе на что способен.

У Сун Чэна даже глаза засияли. Он с предвкушением смотрел, как Цинь Унянь подходит к кухонному острову, присаживается на корточки, открывает дверцу в основании и извлекает на свет встроенный выдвижной холодильник.

Сун Чэн понятия не имел, что здесь есть ещё один холодильник. Во все глаза он наблюдал, как Цинь Унянь вытаскивает оттуда одну, вторую, третью коробочку с готовой едой быстрого приготовления из круглосуточного магазина.

Сун Чэн: «.....»

Цинь Унянь пояснил:

— Уборщица приходит три раза в неделю. Помимо уборки, она пополняет запасы. Питаться доставкой вредно для здоровья, а полуфабрикаты — самое то, удобно.

Сун Чэн подошёл ближе, взял одну из коробок, взгляделся в дату на упаковке и протянул Цинь Уняню:

— Вообще-то, это просрочено.

Цинь Унянь: «.....»

И правда. Уборщица не появлялась уже три дня, так что сроки вполне могли истечь.

<http://bllate.org/book/22052/2293153>